

ГЛАВА 1

Серебро холодило кожу, гасило жар, который с каждым днем становился все сильнее, все невыносимее. Серебряный ошейник темного зверя, потерянного зверя, которого никому не дано найти.

Теперь у Габи было сразу два ошейника. Один сжимал шею обманчиво ласковой бархатной удавкой, а второй вот этот — серебряный. Второй ей нравился больше. Он нравился ей настолько сильно, что она не выпускала его из рук.

— Что мне делать? — спрашивала она, словно четки, перебирая холодные звенья. Спрашивала у себя, у нянюшки, которая после возвращения была с ней неотлучно. — Что мне делать?!

Иногда ее слабый голос срывался на визг, и тогда нянюшка успокаивающе гладила ее сначала по голове, а потом по огромному животу.

— Все хорошо, Габи. Придет время — вспомнишь.

Как она могла вспомнить то, чего никогда не знала? Наверное, нянюшка сходила с ума вслед за ней.

— Это у тебя в крови, миленькая. В твоих жилах.

В ее жилах плескалось черное голодное зло, истощало, иссушало, заставляло смотреть на мужа и на ня-

нюшку с ненавистью и вожделением. Да, человек в Габи пока побеждал, пока она старалась довольствоваться малым, не причинять боль Дмитрию, вонзая зубы в его сплошь покрытое шрамами запястье. Но она знала, что очень скоро наступит момент, когда зло внутри ее потребует большего, и она не сможет этому противиться. Поэтому и приняла то нелегкое для себя решение, запретила Дмитрию даже спускаться в подземелье. Он злился, угваривал, уверял, что ему совсем не больно и крови в нем еще предостаточно. Он говорил, а Габи слушала и примерялась, как бы броситься, как бы впитаться уже не в запястье, а в шею...

— Слушай ее, Дмитрий! — Последнее слово всегда было за нянюшкой. Нянюшку слушали они оба. Пока еще слушали.

— Я не могу. — Муж протянул к Габи руки, а она отшатнулась с такой силой, что бархатный ошейник больно впился в кожу. — Как я оставлю ее такую?

— Я останусь с ней. — Нянюшка приближаться не стала, понимала, что чувствует в этот момент Габи, как мучается. — Ждать осталось недолго. — Она глянула сначала на лицо Габи, а потом на ее живот. — Неделя. Две, от силы. Скоро все закончится, дети. Верьте мне.

И Дмитрий поверил. Попятился к выходу, не сводя с Габи полного мольбы взгляда.

— Все будет хорошо, любимый. — У нее даже получилось улыбнуться, вот только Дмитрий не улыбнулся в ответ. Разучился? Немудрено при такой-то жене.

Дмитрий ушел и, как и обещал, больше не спускался в ее темницу. А нянюшка осталась. С нянюшкой было проще, ее не хотелось убить, кровь ее густо пахла полынью и была такой же горькой.

— Терпи, миленькая. Скоро все закончится.

Нянюшка отпаивала ее отварами, такими же горькими, такими же ненавистными. От отваров клонило в сон, и это было хорошо, потому что во снах Габи встречалась со своей маленькой девочкой. Иногда во снах приходил дед, становился напротив, смотрел с укором, молчал. Габи тоже молчала, боялась заговорить, задать вопрос и услышать ответ на него.

На невысказанный вопрос ответила нянюшка. Она сидела у противоположной стены на неудобном стуле с высокой спинкой и вязала что-то маленькое — то ли носочек, то ли рукавичку. Нянюшка все время была занята делом и, кажется, вообще не спала.

— Его больше нет, Габи. — Тихо шелкали спицы, вилась пряжа, нянюшка говорила, не поднимая головы. — Ты понимаешь?

Она понимала. Может быть, потому, что сама уже знала, что деда больше нет. Она даже знала, от чьей руки он принял смерть.

— Я пробовала по-хорошему. — Нянюшка поправила носком туфли клубок. — Я и пришла к нему с миром, пыталась убедить, уговорить. Надеялась.

— Не вышло. — Габи потянулась к клубку, вонзила в него ногти.

— Не вышло. Ему было плевать, кто станет золотым листиком на фамильном древе Бартане. Плевать, ты или твоя дочь. «Приведи ко мне любую из них, моя верная Гарпия, — сказал он мне, а потом добавил: — Или отведи меня к ним, чтобы я сам смог выбрать, и тогда я тебя прощу». Вот так... Он хотел выбрать сам. Как ягненка для жертвоприношения на деревенской ярмарке.

— Я не больно-то похожа на ягненка. — Габи прислушалась к тому, что творилось в душе. Прислушалась

и ничего не почувствовала: ни жалости, ни боли. — Моего дорогого дедушку ждало бы великое разочарование. А дочку я бы ему не отдала никогда! — Ногти прошли сквозь клубок и впились в ладонь, вспарывая кожу.

— Я ему так и сказала, миленькая. Я сказала, что ты сделала свой выбор и его долг — помочь тебе. Не осуждать, а защитить, как и подобает любящему деду.

— А он? — Габи выпустила клубок, и тот, замаранный ее черной кровью, покатился обратно к нянюшке.

— А он рассмеялся. — Нянюшка припечатала клубок туфлей с такой силой, что тот превратился в бесформенную нитяную лепешку. — Он сказал, что женщины рода Бартане — это сосуды с силой. И не сосуду решать, как ею распорядиться. Для того имеется крепкая мужская рука. Он сказал, что к нему навещался Алекс фон Клейст...

В глазах потемнело, а из горла Габи вырвался яростный крик.

— Сказал, что не одобряет того, что случилось. — Нянюшка говорила тихо, монотонно. Спицы ее замерли. — Не одобряет, но считает союз двух древних родов приемлемым и... любопытным. Он всегда был склонен к экспериментам, мой хозяин. Мой мертвый хозяин.

По каменному полу кралась крыса. Откуда они брались, Габи не знала, но крысы приходили каждую ночь. Сначала она пугалась, а теперь следила за ними с холодным равнодушием. Ночным тварям нечем было поживиться в ее добровольной темнице, а саму Габи крысы обходили стороной.

— Он мучился? — спросила Габи. Нет, ей не хотелось, чтобы дед мучился. Даже после того, как она узнала о его предательстве.

— Нет. — Нянюшка покачала головой. — Я служила ему верой и правдой почти всю свою жизнь, я выбрала для него ласковую смерть.

— Яд?

— Да. Царапина отравленной иглой. Едва ощутимая, едва заметная. Но умирал он долго, Габи. Я хотела, чтобы он понял, за что наказан, чтобы раскаялся.

— Раскаялся?

— Нет. — Стремительным движением нянюшка воткнула спицу в тощий крысиный бок. — Он не раскаялся, Габриэла, и поэтому я снимаю с себя вину за его смерть. Я сделала это ради тебя и твоей дочери, а не ради забавного эксперимента. Я сейчас вернусь! — Вместе с насаженной на спицу крысой она вышла из темницы. Тяжело хлопнула дверь, щелкнул замок. Габриэла подобрала с пола клубок, но тут же выпустила его из рук. Беременным женщинам нельзя брать в руки нитки. Давным-давно подслушанный и забытый разговор нянюшки с женой садовника всплыл в памяти ярким воспоминанием. Ребеночек может запутаться в пуповине и умереть.

А она подняла этот треклятый клубок! Что теперь будет?.. Что она натворила?..

— Ничего! Деревенские суеверия, — сказала нянюшка, когда вернулась в подземелье. — Взяла и взяла, миленькая. Выкинь из головы. Вообще все выкинь. Вот отвара тебе сделала, поспи. Сон исцеляет.

Отвар Габи выпила, а вот страшное из головы не выкинула. Даже во сне ее девочка пришла с веревкой, обмотанной вокруг тоненькой шеи, и весь сон Габи пыталась распутать петли, снять с шеи дочери эту страшную удавку. А когда проснулась, стало лишь горше. Пробуждение принесло с собой новый кошмар...

Дмитрий ворвался в подземелье без привычного деликатного стука, распахнул тяжелую дверь с яростной силой, замер перед Габи, посмотрел сверху вниз.

— Что? — спросила его нянюшка. Голос ее был строг и холоден, как стены этой чертовой темницы.

— Дима?.. — Габи попыталась встать, но отяжелевший, словно свинцом налившийся живот не пускал, яко-рем тянул назад.

— Мужики у ворот. — Дмитрий говорил быстро, задыхаясь от быстрого бега. В руке у него Габи увидела охотничье ружье. — Требуют справедливости.

— Какой справедливости? — Все-таки она встала, прислонилась спиной к стене. — Я больше никого...

— Я знаю, любимая. — Дмитрий протянул руку, с щемящей нежностью погладил Габи по щеке. — Я знаю. Но в деревне начали пропадать люди. Пять за неделю.

— Почему ты молчал? — Нянюшка не сводила с него хмурого взгляда. — Почему не сказал мне?

— Потому что вы были заняты с Габи. Потому что Габи не имеет к этим исчезновениям никакого отношения. Потому что обычно те, которые пропадают, очень скоро находятся!

— Эти тоже нашлись? — спросила нянюшка, откладывая спицы и снимая с пояса связку ключей.

— Нашлись. В Гремучей лощине.

— Убитые.

— Да.

— Упырем убитые?

Дмитрий бросил виноватый взгляд на Габи. Все никак не мог смириться с тем, что она тоже упырь. Или скоро им станет.

— Да. Обескровленные. — Он и сам был бледный и изможденный, ни кровинки на тонком аристократи-

ческом лице. — Растерзанные, словно зверем. Тихон Яковлевич, староста, пытался народ образумить, говорил, что это все зверь. Может, волк, а может, медведь. Но в деревне каждый второй — охотник... Не поверили.

— Не поверили и пришли к стенам усадьбы. — Нянюшка нашла нужный ключ, подошла к Габи, сказала ласково: — Все, миленькая, хватит тебе сидеть на цепи, точно бешеной псице. Вот сейчас Дмитрий уйдет, и снимем мы с тебя этот ошейник.

— Это вам нужно уходить! — Дмитрий говорил спокойно, но в голосе его уже слышались первые, едва различимые нотки отчаяния. — Выберетесь подземным ходом, потом через калитку выйдете из усадьбы. Там уже ждет экипаж. Езжайте в город вот на этот адрес. — Он сунул в руку нянюшки клочок бумаги.

— Димочка, а ты как же? — На короткое сладостное мгновение Габи снова почувствовала себя женщиной. Обычной испуганной женщиной, женщиной женой.

— А я разберусь тут и приеду за вами. Да ты не бойся, любимая, они не решатся. Пошумят и уйдут восвояси. Деятнадцатый век на дворе. Не Средневековье же, чтобы верить во всякую чушь... Я выйду, поговорю с ними.

— Не надо! — Габи вцепилась в его руку мертвой хваткой, ногтями, по-звериному острыми и крепкими, вспорола и толстую шерсть сюртука, и шелк сорочки, и горячую плоть. Запахло кровью, и она снова перестала быть человеком — отшатнулась, сунув окровавленные пальцы в рот, как ребенок ярмарочный леденец.

— Плохо. — Нянюшка покачала головой. — Плохо, что молчал, что мне не сказал.

Дмитрий ничего не ответил, он заворуженно смотрел, как пропитывается кровью рукав его сюртука.

— Габи здесь на цепи, а мужиков все равно кто-то убивает. Кто?

Ответ был очевидным. Очевидным и страшным.

— Он нашел меня, нянюшка, — прошептала Габи, слизывая кровь с пальцев. — Он меня нашел.

— Не об этом сейчас нужно думать! — Дмитрий пришел в себя, яростно мотнул головой. — План прежний, дамы: я разбираюсь с мужиками, вы уезжаете в город. И не спорьте! — Его отчаянный крик прозвенел в каменных сводах темницы. — Я люблю тебя, — сказал он уже спокойно и решительно. — Люблю тебя и нашего ребенка. И я никому не позволю вас обидеть. Езжайте!

Дождаться слез, уговоров и прощаний Дмитрий не стал, решительным шагом вышел из подземелья. Габи слышала гулкое эхо его удаляющихся шагов, а потом все стихло.

— Он прав, миленькая. — Нянюшка набросила на плечи Габи шаль, сняла с ее шеи ошейник. — Мужчины должны заниматься своей работой, а женщины своей. Пойдем! — Она крепко сжала запястье Габи, потянула. — Пойдем, нам нужно спешить!

На земляном полу перед дверью темницы стояла керосиновая лампа, нянюшка зажгла ее, взяла в левую руку. Правой она продолжала цепко держать Габи, тянуть за собой. Подземный ход был узким, свод низким, и нужно было идти, слегка склонив голову. Габи шла, ничего не видя перед собой, прислушиваясь к звукам, доносящимся снаружи, прислушиваясь к себе. Боль еще не была сильной. Ныла поясница, немели ноги, и малышка в животе вертелась юлой.

— Не надо так, маленькая, — сказала Габи шепотом и погладила живот. — Не крутись, а то запутаешься.

— Тихо. — Идущая впереди нянюшка замерла, подняла фонарь, разглядывая что-то над головой. — Пришли. — Она погасила лампу.

Все остальное происходило в полной тишине и темноте. Габи слушала только свою беспокойную девочку.

Наступили сумерки. Она уже и не помнила, как выглядит мир снаружи, как звучит и как пахнет. Да она и не слышала раньше этот тихий успокаивающий шепот. Что изменилось сильнее? Мир вокруг или она сама? Думать об этом было некогда, нянюшка снова схватила ее за руку, потянула за собой по каменной дорожке, петляющей между экзотическими растениями, к выходу из оранжереи.

Здесь, за границами белокаменных стен оранжереи, мир сделался чуть ярче и чуть громче. Габи слышала злые мужские голоса, чужая острый запах дыма. Громынул выстрел, и она замерла как вкопанная.

— Пойдем! — велела нянюшка и потащила ее за собой в сизо-малиновую, клубящуюся туманом утробу парка. — Он справится, пойдем!

И они не пошли, а побежали. Нянюшка с невиданной, почти девичьей резвостью, а Габи тяжело, как дряхлая старуха. Туман обступил их со всех сторон, укутал и спрятал от посторонних глаз. Габи хотелось думать, что спрятал, что тот, кто пришел по ее следу, не сможет найти их с нянюшкой в этом тумане. А еще ей хотелось назад к мужу. Хотелось стать с ним плечом к плечу, защищать, нападать и ранить его врагов. Может, ранить, а может, и убивать. Зубами рвать...

Из пересохшего горла вырвался тихий рык, нянюшка обернулась, глянула внимательно, сказала строго:

— Терпи, Габриэла. Не время для слабости.

Нет, это не слабость! Это сила пополам с яростью! Нянюшка не понимает, не чувствует, как мелко подрагивает под ногами земля, а шепот лощины становится все громче. Нянюшка сильная, но она сильнее.

— Бежим, Габи!

Бежали недолго, темный прямоугольник потайной калитки появился в стене внезапно, словно невидимый художник нарисовал его вот только что специально для Габи. Нянюшка сняла с пояса связку ключей, безошибочно нашла нужный. Калитка открылась беззвучно, Дмитрий позаботился обо всем.

Дальше уже не бежали, а осторожно двигались по узкой, едва различимой в тумане тропе. Тропа змеилась вдоль глубокого оврага, и один неверный шаг мог стоить им жизни. Но обошлось. Впереди, в прорехах между дикими зарослями забрезжил рыжий свет фонаря. Их ждали.

Габи дернулась было вперед, к темной громаде экипажа, но нянюшка снова крепко сжала ее руку, сказала шепотом:

— Не спеши. Сначала я.

Она умела двигаться с кошачьей грацией и бесшумно. Она умела сливаться с тенями и кутаться в обрывки тумана, делаясь практически незаметной. Габи лишь предстояло этому научиться.

Возница сидел на козлах, фонарь стоял на земле возле переднего колеса. Казалось, возница задремал в ожидании. Но Габи знала правду. Влажный воздух лощины был пропитан сладким запахом свежей крови, и Габи снова зарычала, на сей раз от голода.

А нянюшка бесстрашно шагнула к мертвецу, взгляделась, принялась, а потом с невероятной стремительностью спрыгнула с козел обратно на землю, выхвати-

ла из складок юбки нож. Зачем ей нож, когда Габи может убить любого голыми руками? Или не руками, но все равно с легкостью. Так зачем нож старой нянюшке? Зачем ей это хлипкое, дрожащее на ветру деревце?

Деревце нянюшка срубила одним махом, срезала ветки, заострила, посмотрела на Габи черными-черными глазами. Острая палка в ее руке пахла горько и опасно, палку хотелось отнять и переломить через колено.

— Борись, Габриэла! — велела нянюшка. — Борись и готовься сражаться!

Она хотела спросить, с кем собирается сражаться нянюшка, но в этот самый момент живот вспорола невыносимая боль. Габи закричала и упала на колени. Ее маленькая девочка решила явить себя этому жестокому миру.

Нянюшка бросила на нее быстрый взгляд, сказала с отчаянной злостью:

— Час от часу не легче... — И шагнула не к Габи, а к краю круга, очерченного светом фонаря, и уже оттуда, из темноты, послышался ее голос: — Тебе придется самой, Габриэла. Вам обеим придется.

— Мне нужна твоя помощь, нянюшка! — Боль терзала и терзала, а подол платья окрасился красным.

— Борись! Думай о своем ребенке. — Голос нянюшки становился все глуше, отдалялся. — Я скоро вернусь...

Голос затих, а граница света вдруг сузилась до маленького пятка сырой земли. Габи корчилась на этом пятке рыжего света и не знала, как бороться с неизбежным. Хотелось умереть. И жажда сделалась невыносимой. Сильнее боли. В ней, в ее утробе, билось маленькое сердце, пульсировало, гнало по тонким сосудам сладкую кровь.